

- групп Таврической губернии (рубеж XIX - XX вв.) / Проблемы сучасної педагогічної освіти. – Київ, 2000. – С.88
20. Там же. – С. 89.

21. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы в России 1860–1870-х годов). – М., 1999. – С.137

Юрченко С.В. СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СССР, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1943 г.

1943 г. стал переломным в ходе второй мировой войны, определив многие измерения глобального конфликта и послевоенного мирового порядка, в том числе основные параметры взаимодействия главных государств антифашистской коалиции - СССР, США и Великобритании.

В течение двух предшествовавших лет «Великий союз» складывался медленно, причины чего заключались в недоверии Сталина западным союзникам; распространении среди англичан и американцев мнения о том, что сопротивление Советского Союза будет недолгим; различии стратегических интересов в послевоенном мире; значительных культурных и исторических отличиях стран – членов союза; неравномерности военных усилий, основная тяжесть которых ложилась на советское государство[1].

Однако после Сталинграда положение дел стало меняться: советское руководство осознало потенциальные производные от грандиозной военной победы, а западные союзники теперь были вынуждены думать о том, чтобы «не опоздать» к моменту оформления послевоенного мира. «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего, – подчеркнул Р.Шервуд. В результате одной битвы, которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне – Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она имела право по характеру и численности своего населения. Рузвельт понял, что должен теперь взглянуть в более далекое будущее, чем военная компания 1943 года, и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира»[2]. Эту необходимость понимал и британский премьер Черчилль. На горизонте маячила встреча союзников на высшем уровне и начало полномасштабной координации военно-политических действий.

Но именно в этот период взаимодействие СССР, США и Великобританией подверглось влиянию ряда факторов, усиливавших центробежные тенденции в «Великом союзе». Одним из них стала проблема советско-польских отношений.

На взаимодействие между основными союзниками по антигитлеровской коалиции негативное влияние оказало резкое ухудшение взаимоотношений между Советским Союзом и польским правительством, находившимся в Лондоне, связанное с «Катынским делом» – трагической судьбой нескольких тысяч польских офицеров, которые были расстреляны советскими карательными органами весной 1940 г. и захоронены в Катынском лесу в 14 км к западу от Смоленска. Советские власти, естественно, скрывали свою причастность к событиям.

Представители германских властей уже давно знали о том, что летом 1942 г. захоронения в

Катынском лесу обнаружили поляки, работавшие в военно-строительной организации Тодта. Но тогда военно-политическая обстановка была совершенно другой: германские войска успешно продвигались к Волге. К весне 1943 г. ситуация изменилась: активизация действий, направленных на внутреннее ослабление антигитлеровской коалиции, наносившей державам «оси» тяжелые удары, становилась насущной задачей.

«Катынское дело» дало рейхсминистру пропаганды Геббельсу «возможность развернуть уникальную пропагандистскую кампанию, что он и сделал с беспримерным размахом»[3]. 13 апреля 1943 г. германское радио сообщило: «Из Смоленска пришло известие, что местные жители показали германским властям одно из тех мест, где большевики руками ГПУ учинили расправу над пленными польскими офицерами – всего в то время было казнено десять тысяч человек»[4].

Далее последовала шумная пропагандистская кампания с использованием радио и прессы, освещавших визиты к захоронениям представителей различных польских организаций, в том числе подпольных, польских и американских военнопленных; журналистов из нейтральных стран; действия международной комиссии врачей; заявление Германии в Международный Красный Крест о создании комиссии для проведения немедленного расследования. «Катынское дело, – записал Геббельс в дневнике 17 апреля 1943 г., – становится колоссальной политической бомбой, которая в определенных условиях ещё вызовет не одну взрывную волну»[5].

Эти «волны» были направлены на то, чтобы «ударить по слабому звену антигитлеровской коалиции – отношениям между СССР и польским эмигрантским правительством; если не расколоть антигитлеровскую коалицию путем острого советско-польского столкновения, то, по крайней мере, создать значительные трения между СССР, США и Великобританией по польскому вопросу; навсегда поссорить русских с поляками, поколебать антифашистские позиции польского народа, быть может, получить возможность достичь германско-польского соглашения на антисоветской основе»[6].

Польское правительство, оказавшись заложником ситуации, стало действовать в соответствии с планами Берлина. Правительство генерала В.Сикорского, вопреки советам британского премьера У. Черчилля, 15 апреля дало указание своему представителю в Швейцарии обратиться к Международному Красному Кресту с просьбой о создании комиссии для расследования «Катынского дела». Зная о намерениях поляков, Германия на 30 минут раньше подала собственное заявление.

Москва крайне резко отреагировала на происшедшие события. В аналогичных по содержанию

посланиях Рузвельту и Черчиллю от 21 апреля Сталин в жестких выражениях писал о том, что «поведение Польского Правительства в отношении СССР в последнее время Советское Правительство считает совершенно ненормальным, нарушающим все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств», что «враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания ... была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной печатью», что одновременность начала кампании «не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников – Гитлером и правительством г. Сикорского имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании», что «нынешнее правительство Польши, скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу»[7]. Из сказанного следовал вывод: «На основании всего этого Советское Правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим правительством»[8].

Британское правительство и американская администрация, безусловно, понимали политические расчеты Берлина, и их общей реакцией было стремление ограничить политический резонанс происшедших событий. Уже 24 апреля Черчилль писал Сталину: «Мы, конечно, будем энергично противиться какому-либо «расследованию» Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на любой территории, находящейся под властью немцев. Подобное расследование было бы обманом, а его выводы были бы получены путем запугивания... Мы также никогда не одобрили бы каких-либо переговоров с немцами или какого-либо рода контакта с ними, и мы будем настаивать на этом перед нашими польскими союзниками.

... Его (Сикорского – С.Ю.) положение весьма трудное. Будучи далеким от прогерманских настроений или от сговора с немцами, он находится под угрозой свержения его поляками, которые считают, что он недостаточно защищал свой народ от Советов. Если он уйдет, мы получим кого-либо похуже. Поэтому я надеюсь, что Ваше решение «прервать» отношения следует скорее понимать в смысле последнего предупреждения, нежели в смысле разрыва, а также что оно не будет предано гласности, во всяком случае, до тех пор, пока не будут испробованы все другие планы. Публичное же сообщение о разрыве принесло бы величайший возможный вред в Соединенных Штатах, где поляки многочисленны и влиятельны»[9].

В послании 25 апреля Черчилль вновь просил Сталина «оставить мысль о каком-либо перерыве отношений», сообщая о результатах беседы министра иностранных дел Идена с генералом Сикорским, которые должны были умерить недовольство Москвы. Британский премьер вновь подчеркивал: «В случае если произойдет разрыв между Советским и Польским Правительствами, то это может помочь только нашим врагам. Германская пропаганда создала эту историю именно для того, чтобы вызвать трещину в рядах Объединенных Наций и придать некоторую видимость реальности ее новым попыткам убедить

мир в том, что интересы Европы и малых наций защищаются Германией от великих внеевропейских держав, а именно от Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов и Британской Империи»[10].

Аналогичную позицию занял и президент Рузвельт, который писал Сталину 26 апреля: «Я вполне понимаю сложность Вашего положения, но в то же самое время я надеюсь, что Вы сможете в существующей обстановке найти путь для того, чтобы определить свои действия не как полный разрыв дипломатических отношений между Советским Союзом и Польшей, а как временное прекращение переговоров с Польским Правительством, находящимся в изгнании в Лондоне.

Я не могу поверить, что Сикорский в какой бы то ни было степени сотрудничал с гитлеровскими гангстерами. С моей точки зрения, однако, он сделал ошибку, поставив именно этот вопрос перед Международным Красным Крестом...

Кроме того, у меня в Соединенных Штатах имеется несколько миллионов поляков, из которых большое количество служит в армии и военноморском флоте. Я могу заверить Вас в том, что все они озлоблены против гитлеровцев. Однако общему положению нельзя помочь известием о полном дипломатическом разрыве между Советским и Польским Правительствами»[11].

Текст этого послания был направлен и Черчиллю, который был удовлетворен поддержкой из Вашингтона, подчеркнув в ответе президенту: «Мне очень понравилась Ваша телеграмма Сталину, и я сегодня зачитаю ее членам кабинета. Нам нужно выступить сообща, чтобы уладить это разногласие. До сих пор Геббельс делал из него шоу»[12].

Но ни послания Черчилля, ни запоздавшая телеграмма Рузвельта не возымели действия на Сталина. 25 апреля Советский Союз разорвал отношения с польским правительством генерала Сикорского. Как констатировала американская печать, и русские и поляки попали в нацистскую ловушку[13].

Впрочем, Сталин имел, вероятно, дополнительные причины для обострения возникшей проблемы. Резкая реакция на действия польского правительства позволяла ему создать впечатление своей непричастности к «Катынскому делу»; акцентирование мифического «контакта и сговора» гитлеровцев с лондонскими поляками служило компрометации польского правительства, которое всегда было антисоветским; а разрыв отношений с ним создавал возможность формирования в перспективе «своего» польского правительства.

Характеризуя эти ориентиры политики Сталина, следует принимать во внимание и ретроспективу советско-польских отношений, на которых тяжелым грузом лежал советско-германский пакт 1939 г. и секретные протоколы, зафиксировавшие территориальный раздел Польши и переход к СССР районов Украины и Белоруссии, которые в 1920 г. были захвачены Польшей и в течение последующего времени, в соответствии с Рижским мирным договором 1921 г., являлись частью польского государства.

После нападения Германии на Советский Союз Москва была заинтересована в восстановлении

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СССР, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1943 Г.

отношений и заключении пактов о военной взаимопомощи с находившимися в Лондоне эмигрантскими правительствами европейских государств, в частности Польши. Соответствующую инструкцию в середине июля 1941 г. получил советский посол в Англии И.М. Майский. Во время встречи с премьером польского правительства генералом Сикорским и министром иностранных дел Залесским он предложил заключить пакт военной взаимопомощи против Германии и при этом добавил, «что СССР в дальнейшем обязуется содействовать восстановлению польского государства в его национальных границах»[14]. Эта формулировка подразумевала, что «будущее польское государство должно состоять только из поляков и охватывать те территории, которые населены поляками»[15].

Представители польского правительства настаивали на том, что будущее польское государство должно совпадать с польским государством в границах 1939 г. Таким образом, принадлежность западных районов Украины и Белоруссии стала основной проблемой в переговорах, которые, по свидетельству советского посла, «заняли много времени и потребовали большой затраты нервов... это были очень трудные переговоры и ... несколько раз они находились на грани разрыва»[16]. «После долгих споров и острой полемики, – вспоминал И.М. Майский, – в конце концов было решено в пакте вообще не касаться вопроса о будущих границах польского государства и ограничиться лишь заявлением Советского правительства о том, что советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше считаются утратившими силу. Такая формула была внесена в ст.1 заключительного пакта»[17]. Безусловно, это была уступка Москвы лондонским полякам. Поскольку 30 июля 1941 г., когда было подписано соглашение, «Сталин ... искал выход из критического состояния, в которое поставили страну его просчеты и коварство Гитлера. В классической борьбе подобное критическое состояние возникает, когда борец ставит своего соперника в положение «моста», стремясь прижать его лопатками к коврику. Если это удается, засчитывается чистая победа. Июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь 1941 года Сталин держал «мост». Не он, конечно, страна, народ, армия... Судьба страны висела на волоске»[18].

Но уже 3–4 декабря, когда стало ясно, что германское наступление на Москву задохнулось, а советские армии готовились к контрудару, Сталин, принимая генерала Сикорского, попытался склонить его к согласию с «небольшими изменениями границы». Польский премьер ответил отказом. «То был, по-видимому, – подчеркнул Дж.Бюффа, – последний случай, когда представилась возможность достичь соглашения между Москвой и правящими кругами старой Польши, и возможность эта была упущена»[19]. Руководители польского правительства полагали, что в результате войны Советский Союз окажется значительно ослабленным, а Польша получит возможность утвердиться в Восточной Европе в качестве самого сильного государства в регионе. «Исходный план Сикорского блокировать движение Сталина на запад, – отметил американский исследователь Раак, – основывался на

идее конфедерации западнославянских государств, центральной европейской опоры против большевистского государства и немцев. Это было не более чем возрождением мечты польского маршала Юзефа Пилсудского по завершению I мировой войны»[20].

Важным средством реализации подобного плана виделась польская армия генерала Андерса, сформированная на территории СССР в соответствии с советско-польским военным соглашением от 14 августа 1941 г.[21] Начиная с декабря 1941 г. Сикорский и Андерс просили перевести польскую армию в Иран под эгиду англичан. В конечном счете согласие было получено, и к сентябрю 1942 г. в Пехлеви было эвакуировано почти 70 тысяч польских военнослужащих. «В высшей степени не похоже, – подчеркнул американский исследователь, – чтобы Сталин должен был использовать поляков, даже если они были ему нужны, потому что он не доверял им. Реорганизованные, оснащенные и обученные Западом, они должны были стать потенциальной польской пятой колонной внутри советских передовых позиций или, удерживая часть из них, угрозой всем планам советских лидеров. Без поляков Сталин не имел военной силы, которая противостояла бы его стремлению к переделу польских территорий, или созданию нового польского государства, или даже инструментированию его добровольного вхождения в Советский Союз в качестве еще одной республики»[22].

И если последнего пункта в приведенной постановке у советского руководства не было, то антисоветских настроений у военнослужащих армии Андерса было достаточно. Сам генерал полагал, что «свободная Польша будет существовать только благодаря Америке и Англии». Генерал Волковицкий считал, что «после разгрома Германии неизбежна война Польши с СССР». А майор Гудановский заявлял: «Мы, поляки, направим оружие на Советы, отомстим за свои страдания в лагерях. Если только нас возьмут на фронт, свое оружие направим против Красной Армии»[23].

Говоря о передислокации польской армии в Иран, исследователь Дж. Бюффа отметил один важный момент: «Первый контингент отбыл весной 1942 г., а остальные – в августе, то есть в самый разгар Сталинградской битвы... Их отбытие напоминало бегство с тонущего корабля. Польские лидеры полагали, что поступают очень дальновидно: после ожидаемого поражения СССР у них останутся нетронутыми их вооруженные силы, которые, сражаясь вместе с англичанами, победоносно вернутся в Польшу и образуют там ядро самой могущественной армии Восточной Европы. На самом же деле они упустили последнюю возможность оказаться на родной земле в момент её освобождения»[24].

После Сталинграда стремление Сталина не допустить появления на советских западных границах любого потенциально сильного государства или группы государств обрело реальную перспективу. Это особо касалось Польши, которая «была для Сталина ключом к советской безопасности»[25]. Характеризуя эволюцию его курса, Г.

Киссинджер отметил: «В 1941 году он просил лишь признания границ 1941 года (допуская возможность их корректировки) и выражал готовность признать базирующихся в Лондоне свободных поляков. В 1942 году – стал предъявлять претензии по поводу состава польского правительства в изгнании. В 1943 году – создал ему альтернативу в виде так называемого Свободного Люблинского комитета. К концу 1944 года он признал Люблинскую группу, возглавляемую коммунистами, и отверг лондонских поляков. В 1941 году главной заботой Сталина были границы; к 1945 году ею стал политический контроль над территориями, находящимися за пределами этих границ»[26]. И разрыв отношений с правительством Сикорского логично вытекал из этой линии Сталина.

Кроме этого он получал дополнительный рычаг воздействия на западных союзников, для которых различные измерения возникшей проблемы были важны. И если в переписке Рузвельта со Сталиным рассматриваемые сюжеты больше не фигурировали (президент оставлял инициативу британскому премьеру, который, разумеется, информировал его о содержании своих действий), то Черчилль не преминул 30 апреля сообщить в Москву о своей позиции: «Я не могу воздержаться от выражения своего разочарования по поводу того, что Вы сочли необходимым предпринять акцию разрыва отношений с поляками, не дав мне времени сообщить Вам о результатах моего обращения к генералу Сикорскому... Я надеялся, что в духе нашего договора, подписанного в прошлом году, мы будем всегда консультироваться друг с другом по таким важным вопросам, в особенности, когда они затрагивают соединенную мощь Объединенных Наций»[27].

Сообщая о мерах британского правительства по урегулированию проблемы и согласии польского правительства «лояльно работать» с Москвой, Черчилль особое внимание уделил тому обстоятельству, что Геббельс "усердно внушает мысль о том, что СССР будет организовывать польское правительство на русской земле и что СССР будет иметь дело лишь с этим правительством. Мы, конечно, не были бы в состоянии признать такое правительство и продолжали бы наши отношения с Сикорским, который является самым полезным человеком, которого Вы или мы могли бы найти для целей нашего общего дела. Я рассчитываю, что такой же будет и американская точка зрения»[28]. Черчилль полагал, что отношения между советским и польским правительствами должны быть восстановлены.

Ответ из Москвы от 4 мая гласил: «Несмотря на Ваше сообщение о готовности польского правительства лояльно работать с Советским правительством, я сомневаюсь, чтобы оно могло сдержать свое слово. В окружении польского правительства имеется такая масса прогитлеровских элементов, а Сикорский до того беспомощен перед ними и запуган ими, что нет никакой уверенности, что Сикорский сумеет сохранить лояльность в отношениях с Советским Союзом, если даже предположить, что он действительно хочет быть лояльным»[29].

Опровергая германскую пропаганду по поводу создания в СССР нового польского правительства, Сталин приоткрыл свои карты: «Это не исключает того, чтобы Великобритания, СССР и США приняли меры к улучшению состава нынешнего польского правительства с точки зрения укрепления единого

фронта союзников против Гитлера. И чем скорее это будет сделано, тем лучше»[30]. При этом он сослался на мнения сторонников Рузвельта, переданных Иденом советскому послу в Лондоне по возвращении британского министра из США о том, что они считают «нынешнее польское правительство не имеющим благоприятных перспектив и сомневаются, чтобы оно имело шансы вернуться в Польшу и стать у власти, хотя они хотели бы персонально сохранить Сикорского. Мне кажется, что насчет перспектив нынешнего польского правительства американцы близки к истине»[31].

В последний раз в этот период проблема была затронута в послании Черчилля Сталину 12 мая. Британский премьер, в частности, писал: «Я согласен с тем, что можно улучшить состав Польского Правительства, хотя было бы весьма трудно найти кого-либо получше. Я так же, как и Вы, думаю, что Сикорский и некоторые другие во всяком случае должны быть оставлены в Правительстве. Если бы Сикорский должен был перестроить свое Правительство под иностранным давлением, он был бы, вероятно, отвергнут и выброшен, а мы бы никого не получили, кто был бы столь же хорош на его месте. Поэтому он, вероятно, не сможет произвести перемены немедленно, но я всеми способами постараюсь убедить его действовать в этом направлении по возможности скорее. Я буду обсуждать это с Президентом Рузвельтом»[32].

На протяжении всего этого периода Черчилль стремился убедить поляков «перенести спор с мертвых на живых и с прошлого на будущее»[33]. В своей беседе с генералом Сикорским в начале апреля в ответ на слова о том, что есть масса доказательств того, что польские офицеры были убиты советскими властями, британский премьер сказал: «Если они мертвы, вы ничего не сможете сделать, чтобы их воскресить»[34]. Его позиция определялась тем, что, как он заявил советскому послу Майскому, доказывавшему мнимую несостоятельность обвинений: «Мы должны разбить Гитлера, и сейчас не время для ссор и обвинений»[35].

Западным союзникам не удалось предотвратить разрыв советско-польских отношений, но они смогли уменьшить политический резонанс от этих событий. Геббельс горестно сетовал, что «Катынское дело» «не внесло разлада в коалицию противников. Наоборот, в Лондоне и в Вашингтоне полякам достаточно ясно дали понять, что ничего не могут для них сделать... Британские и американские газеты перестали о них писать»[36].

Однако происшедшие события имели для отношений основных держав антигитлеровской коалиции ряд серьезных последствий. Во-первых, несмотря на стремление «уладить возникшее разногласие», выявившееся в официальных действиях британского премьер – министра и американского президента, «важнейшие люди и в Вашингтоне, и в Лондоне поверили в правдивость катынской истории и никогда не подвергали сомнению тот факт, что именно русские устроили там бойню»[37]. Такое восприятие, безусловно, оказывало соответствующее воздействие на весь комплекс союзнических отношений и оценку перспектив сотрудничества. Во-вторых, происшедшие события влияли на восприятие польским населением политики Москвы. В-третьих, «в межсоюзнических от

**СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СССР, США И
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1943 Г.**

ношениях возник «польский вопрос», разрешением которого занимались все конференции глав великих держав. Гитлеровцы добились основной цели своей провокации: создали трения в антигитлеровской коалиции»[38].

А вскоре, в июле 1943 г., в районе Гибралтара взорвался самолет, в котором погибло почти все польское правительство в эмиграции во главе с генералом Сикорским. В советско-польских отношениях и их влиянии на «Великий союз» начался новый период, основные принципы которого были вскоре намечены на Тегеранской встрече «Большой тройки».

Литература

1. Ст.: Уткин А.И. Россия над бездной (1918 г. – декабрь 1941 г.). – Смоленск: Русич, 2000. – С. 458–462.
2. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: Пер. с англ.: В 2 т. – Т.2. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1958. – С. 362.
3. Рисс К. Геббельс. Адвокат дьявола: Пер. с англ. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – С. 364.
4. Там же.
5. Цит. по: Парсаданова В.С. Трагедия Польши// Актуальные проблемы новейшей истории/ Д.А. Волкогонов, В.Я. Сиполс, А.А. Кошкин и др.; Под общ.ред.Г.Н. Севостьянова. – М.: Просвещение, 1991. – С. 96.
6. Там же. – С.95.
7. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: В 2-х т. –2-е изд. – М.: Политиздат, 1980 (далее – Пререписка). – Т.1. – С.141–142. – Т.2. – С. 58–59.
8. Там же. – Т.1. – С.142. – Т.2. – С. 59.
9. Там же. – Т.1. – С.143.
10. Там же. – Т.1. – С.145.
11. Там же. – Т.2. – С.59–60.
12. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны/ Пер. с англ. – М.:ТЕРРА, 1995. – С. 378.
13. The New York Times. – 1943. – 27 April.
14. Майский И.М. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. – М.: Наука, 1965. – С.155.
15. Там же. – С.156.
16. Там же.
17. Там же. – С.157.
18. Волкогонов Д.А. Сталин/ Политический портрет. – В 2-х книгах. – Кн.II.- 3-е изд., испр.- М.: Изд-во «Новости», 1992. – С.195.
19. Боффа Дж. История Советского Союза: В 2 т. – Т.2. – М.: Международные отношения, 1990. – С.139.
20. Raack R.C. Stalin's Drive to the West 1938 – 1945.The Origins of the Cold War. – Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1995. – P.79.
21. См. подробнее: Парсаданова В.С. Армия Андерса на территории СССР (1941–1945 гг.)// Новая и новейшая история. – 1988. – № 5. – С.173–192; Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг.(Из рассекреченных архивов)//Новая и новейшая история. – 1993. – № 2. – С. 59–90.
22. Raack R.C. Op.cit. – P.79–80.
23. См.: Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. (Из рассекреченных архивов)//Новая и новейшая история. – 1993. – № 2. – С. 59–90.
24. Боффа Дж.Указ. соч. – С.145.
25. Mastny V. The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years. – N.Y. etc.: Oxford Univ. Press, 1996. – P.19.
26. Киссинджер Г. Дипломатия: Пер. с англ. – М.: Ладомир,1997. – С. 371.
27. Переписка. – Т.2. – С. 146.
28. Там же. – Т.1. – С. 147.
29. Там же. – С.150.
30. Там же. – Т.2. – С.151.
31. Там же.
32. Там же. – Т.2. – С.153.
33. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. – М.:ТЕРРА, 1995. – С.379.
34. Черчилль У. Вторая мировая война : В 3-х книгах. – Кн.2. – М.: Воениздат, 1991. – С. 634.
35. Там же. – С. 635–636.
36. Рисс К. Указ. соч. – С. 366–367.
37. Там же. – С. 366.
38. Цит. по :Парсаданова В.С. Трагедия Польши. – С.97.